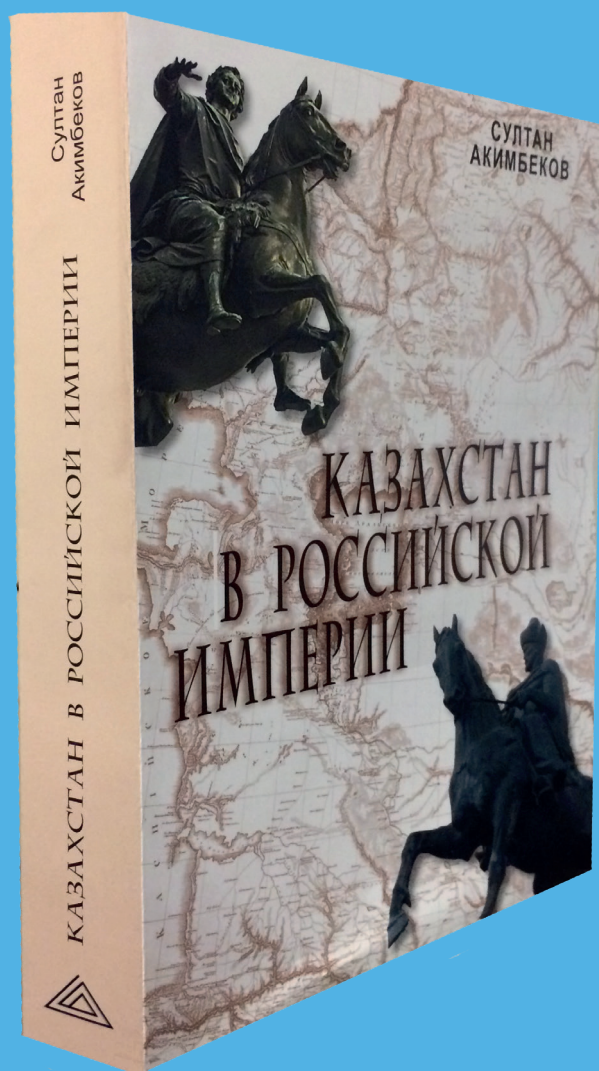

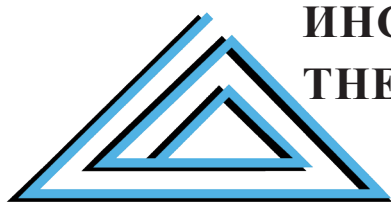

ИНСТИТУТ АЗИАТСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ
THE INSTITUTE OF ASIAN STUDIES

Глава 9 ВОССТАНИЕ 1916 ГОДА ИДЕОЛОГИЯ ВОПРОСА

Из книги Султана Акимбекова
«Казахстан
в Российской империи»

ИНСТИТУТ АЗИАТСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ THE INSTITUTE OF ASIAN STUDIES

Институт азиатских исследований основан в 2012 году в Алматы, Казахстан. Институт является частной независимой исследовательской организацией, специализирующейся на широком спектре вопросов международных отношений, безопасности, экономики и внутренней политики, имеющих отношение к азиатскому региону с акцентом на Центральную Азию. Институт видит свою миссию в том, чтобы с помощью создания качественного исследовательского продукта внести свой вклад в повышение качества интеллектуальной среды Казахстана.

СУЛТАН АКИМБЕКОВ

Султан Акимбеков родился в 1964 году. Автор книг «История степей» (2011, 2016, 2018 годы издания), «История Афганистана» (2015), «Казахстан в Российской империи» (2018), «Казахи между революцией и голодом» (2021). Работал главным редактором казахстанских журналов «Континент» и «Центр Азии», директором Института мировой экономики и политики. В настоящее время директор Института азиатских исследований в Алматы.

Содержание книги «Казахстан в Российской империи»

Предисловие	5
Глава 1. Кочевники и земледельцы: степная государственность против аграрных империй.....	15
Глава 2. Накануне.....	49
После улуса Джучи.....	49
Реформы Петра Первого и создание европейской империи.....	55
Глава 3. Присоединение Казахского ханства к Российской империи: формирование отношений зависимости	73
Глава 4. Казахские ханства: от 1731 года до разгрома джунгар	99
Глава 5. Казахские ханства: завершение истории	136
Между Россией и Китаем	136
Калмыцкий исход.....	159
Кризис ханской власти в Младшем жузе.....	170
Последние аккорды казахской самостоятельности.....	205
Глава 6. Россия и казахи в первой половине XIX века.....	220
Россия в начале XIX века	220
Реформы Сперанского: первая попытка административного устройства в Казахской степи.....	242
Кенесары Касымов. Последняя попытка сохранения государственности	269
Глава 7. Политика России в Азии: выход на внешние границы Казахской степи (1839–1867)	303
Наступление России в Азии.....	303
Средняя Азия	336
Казахстан – внутренняя провинция Российской империи	359

Глава 8. Россия и казахи в конце XIX – начале XX веков	385
Россия после отмены крепостного права и возникновение земельного вопроса.....	385
Казахи и политика России в конце XIX века	392
Казахи после первой русской революции, Столыпинская аграрная реформа, усиление переселенческой политики России.....	417
Глава 9. Восстание 1916 года	440
Против империи	440
Идеология вопроса.....	473
Заключение	490
Примечание	504
Библиография	538
Индекс	551

Глава 9.

Восстание 1916 года

Идеология вопроса

Восстание 1916 года, пожалуй, один из самых острых и наиболее болезненных моментов в истории отношений России и народов ее бывшей азиатской окраины. Казалось бы, с момента восстания прошло больше ста лет. В обычной ситуации этого могло быть вполне достаточно, чтобы просто передать этот вопрос историкам. Кроме того, в истории взаимодействия России и народов Средней Азии и Казахстана было много самых разных, в том числе спорных моментов. Но именно восстание 1916 года продолжает оставаться самым трудным для восприятия и до сих пор вызывает споры даже на межгосударственном уровне.

Очень показательна была ситуация, когда в 2008 году министерство иностранных дел России опубликовало заявление в связи с решением Кыргызстана ввести «День памяти жертв национального восстания киргизского народа в 1916 году». По мнению российского МИДа «парламент Киргизской Республики принял решение об установлении ежегодного «Дня памяти жертв национального восстания киргизского народа в 1916 году». Речь идёт о жертвах силового подавления массовых выступлений против царского режима на территории нынешней Киргизии, в ходе которых, заметим, погибли и тысячи русских поселенцев. никоим образом не пытаюсь вмешиваться во внутренние дела независимого и суверенного Киргизстана, хотели бы отметить, что, по нашему мнению, придание широкого общественного

звучания болезненно чувствительной теме 1916 года контрпродуктивно для нынешних дружественных отношений между нашими странами и народами. История у всех была неоднозначной, далеко не всегда окрашенной только в светлые тона. Полагаем, было бы правильно, чтобы проблемами почти векового прошлого занимались ученые-историки, без ненужной политизации под предлогом «восстановления исторической справедливости»¹. Конечно, с тем, что было бы лучше, если бы этим вопросом занимались историки, вряд ли можно спорить. Но даже сам факт обращения МИД одной страны к исторической теме, которая касается другой страны, автоматически превращает вопрос в политический.

Понятно, что такая реакция российского МИДа связана с тем, что чувствительность проблемы остается весьма значительной. Более того, это говорит о том, что совместное историческое прошлое до сих пор влияет на политическое настоящее. Недавняя история по-прежнему занимает большое место в современных межгосударственных отношениях и оказывает самое непосредственное влияние на общественное мнение, что автоматически делает ее фактором идеологии. Поэтому в настоящий момент государствам достаточно сложно передать данную тему историкам.

Потому что в данном случае недостаточно просто констатации фактов, любые известные документы требуют обобщений и интерпретации, а значит, и оценки ситуа-

¹http://www.mid.ru/ru/maps/kg/-/asset_publisher/sEkQTukf0R39/content/id/341511

ции. В то время как любая оценка ситуации рассматривается через призму отношений России и ее бывших зависимых территорий. Собственно, имевшая место в 2008 году негативная реакция официальной Москвы на введение в Кыргызстане дня памяти по поводу 1916 года связана с тем, что в России хотели бы избежать каких-либо оценок совместной истории со стороны одной из таких бывших территорий. Потому что любые такие сторонние оценки воспринимаются как направленные именно против России.

Если говорить о событиях 1916 года, то их особая чувствительность в политическом плане связана не только с тем, что они привели фактически к межнациональным столкновениям, как минимум, в Семиреченской области, и даже не с тем, что подавление волнений происходило весьма жестко. В конце концов, в истории это происходило довольно часто. К примеру, восстание сипаев в Индии в 1857 году было связано с жестокостью восставших против англичан и их ответными жесткими мерами при его подавлении. Очень похожая ситуация была в принадлежавшей Германии до Первой мировой войны Юго-Западной Африке. Восстание местных племен гереро и готтентотов в 1904–1907 годах произошло после изъятия их земель в пользу немецких поселенцев и было жестоко подавлено. Можно вспомнить много подобных историй, но все они уже перешли в ведение историков и потеряли свое значение для политики.

Однако с восстанием 1916 года все не так. Сложность сложившейся ситуации, вполне возможно, заключается в том, что в России часто можно встретить мнение, что характер ее исторической имперской государственности отличается от того, который был у европейских стран в колониальный период. Соответственно, отсюда следует, что история расширения России не носила колониального характера, она была связана с государственным патернализмом в отношении присоединяемых народов и их модернизацией. Поэтому ее нельзя сравнивать с политикой европейцев в Южной и Северной Америке, в

Австралии, Африке и отчасти Азии, которая носила разрушительный характер для традиционных обществ.

В данном контексте произошедшее в последней трети XIX века завоевание Средней Азии в большей степени и Казахской степи в меньшей степени несколько выбивается из общего ряда. Оно слишком напоминает европейскую колониальную политику. Процесс изъятия земли у кочевников очень похож на подобные процессы в Северной Америке, а также в Северной и Юго-Западной Африке. Внешнее управление оседлыми районами Средней Азии находится в одном ряду с подобными процессами в Индии, мусульманскими районами Северной Африки и Юго-Восточной Азии.

Очень может быть, что проблема здесь в том, что Россия расширялась как единый территориальный массив, она распространяла себя на каждой новой присоединенной территории, она стремилась включить в свой состав все встреченные на пути народы. Поэтому в современной России не могут признать колониальный характер прежней имперской политики. Потому что в отличие от европейских держав в постколониальную эпоху Россия до сих пор ориентируется на концепцию единого территориального массива с общей историей и общей судьбой. В этой связи, восстание 1916 года и те обстоятельства российской политики, которые сделали его возможным, слишком сильно не вписываются в эту концепцию.

Очень показательна в связи с этим оценка современного российского автора Виталия Хлюпина, сказанная им в дискуссии с другим российским автором Аркадием Дубновым. «1916 год – это никакое не Национально-освободительное восстание, а: 1. с точки зрения факта и юридической оценки – антиправительственный мятеж сотягчающим обстоятельством (военное время), что вполне можно квалифицировать, как государственную измену со всеми вытекающими последствиями. 2. с точки зрения морали – гордиться и чествовать героями, резавших и грабивших представителей других нацио-

нальностей – аморально»². В данной цитате характерно, что автор рассматривает участников восстания как мятежников против законной власти, как изменников. Но если власть была для них внешней, если она не рассматривала их полноценными гражданами (в частности, можно обратить внимание на отсутствие представительства в выборных органах власти), если ее политика вела к более тяжелым условиям жизни, связанным с изъятием земли в пользу более привилегированной группы граждан, то можно ли считать их именно мятежниками.

Понятно, что все зависит от точки зрения. Например, в апреле того же 1916 года в Ирландии произошло восстание против английской власти. Оно во многом было спровоцировано стремлением Лондона распространить на территорию Ирландии призыв в британскую армию. Естественно, с английской точки зрения времен Первой мировой войны это был произошедший во время войны мятеж против законного правительства. В то время как для ирландцев это было восстание за независимость Ирландской республики. Если провести аналогию с нашим случаем, то и получается, что для Хлюпина это был мятеж, а для казахского и киргизского общества это восстание в защиту своих интересов. Соответственно, подавление восстания в первом случае выглядело как наведение порядка в условиях войны, которое оправдывало все жертвы и вообще все остальное. В то время как во втором случае это было чрезмерно жестоким применением силы, в результате чего произошло усиление процесса изъятия земли у местного населения за участие в восстании.

Собственно, отличительной особенностью восстания 1916 года было то, что оно очень резко противопоставило российское государство и население зависимых от него территорий. Более того, противопоставленными друг другу оказались две группы населения империи, одна из которых при этом

имела явные преференции и в том числе выглядела главным бенефициаром от подавления восстания. В данном случае были слишком прямые параллели с политикой европейских держав в своих колониях. В этом-то и заключается самая большая историко-идеологическая проблема относительно событий 1916 года в Средней Азии и Казахской степи. Эти события чересчур явно подрывают идею единого территориального массива и связанной с его образованием концепцией общей судьбы для всех народов империи. В самом общем смысле действия Российской империи в Туркестане и Степном крае до 1916 года и во время восстания были точно такими же, как и у европейских государств в своих колониях. Для того времени это не было проблемой, это было естественной моделью поведения для многих государств Европы.

Но с современной точки зрения это уже выглядит проблематично. Поэтому, безусловно, можно согласиться с российским МИДом, что надо передать эту проблему историкам. При этом было бы гораздо лучше, если бы им не пришлось этого делать под давлением со стороны исторической идеологии или исторической политики. Причем, что характерно, последнее обстоятельство тесно связано с государственным строительством, как в самой России, так и новых независимых государствах. Каждому такому строительству необходима своя идеология, что находит выражение в разных взглядах на общую историю. Собственно, демарш российского МИДа в 2008 году был отчасти проявлением идеологического противостояния вокруг общего исторического прошлого.

В этой связи очень показательно, как этот вопрос решали в бывшем СССР. В связи с тем что государство в данном случае было одно, то государственная идеология основывалась на построении компромиссной версии восстания 1916 года. Например, в предисловии к изданному в Казахской ССР в 1960 году

²<http://www.centrasia.ru/newsA.php?st=1209063780>

сборнику документов по восстанию 1916 года было написано. «Причины этого восстания коренились в общих социально-экономических и политических условиях страны. В годы столыпинской реакции еще больше усилился колониальный нажим российского военно-феодалного империализма на народы окраин, в том числе на народы Средней Азии и Казахстана. Особенно ускорился в это время захват земель на юге Семиреченской, в северо-восточной части Сыр-Дарьинской областей и в других районах Казахстана и Киргизии. На этих землях создавались новые переселенческие поселки и хутора кулаков. Имения царских чиновников и генералов, расширялись владения киргизских манапов и казахских феодалов. Киргизские и казахские народные массы вытеснялись в бесплодные горы и пустыни, где они были обречены на медленное вымирание»³. В данном случае хорошо заметно, что согласно советской идеологии авторы делали акцент на социальном противостоянии.

Отсюда появление термина «хутора кулаков» в контексте переселенческих поселков, а также тезис про «киргизских манапов и казахских феодалов». То есть на роль главных бенефициаров российской политики в регионе выводились зажиточные слои населения с обеих сторон. Одновременно ставился вопрос о колониальной политике Российской империи и вытеснении местного населения на неудобные земли. Это тоже было объяснимо, потому что для этого периода в СССР было характерно негативное отношение к Российской империи. В Советском Союзе ее в целом воспринимали в качестве прямого конкурента и относились соответственно, особенно в вопросах идеологии.

В то же время здесь имело место очевидное противоречие, когда одновременно ставился вопрос о прогрессивности присоединения Средней Азии и Казахстана к Российской империи. Например, в изданной в 1966 году

книге Х. Турсунова и посвященной событиям 1916 года, указывалось, что «восстание 1916 года – одно из важных проявлений прогрессивных последствий присоединения Средней Азии и Казахстана к России. Присоединение к России, несмотря на колониальную политику царизма и вопреки ей, всем ходом объективного социально-экономического, политического развития страны, имело огромные прогрессивные последствия для исторических судеб народов края»⁴. В данном случае для советской идеологии была важна легитимность формирования основной территории СССР. В этом смысле она была преемником Российской империи. Поэтому присоединение рассматривалось как исторически прогрессивное событие. Но при этом делалась оговорка про «колониальную политику царизма».

Здесь стоит отметить, что для СССР была важна именно преемственность имперской государственности от прежней Российской империи. В то же время национальная составляющая в политике той империи не представляла интереса. В советском понимании государство стояло над всеми народами, включая русский. Это была условно государственно-имперская модель, где империя должна была носить наднациональный характер. В то время как в Российской империи, в основном в последний период ее существования, модель также условно можно назвать национально-имперской. Потому что здесь в первую очередь после отмены крепостного права у государства появилась национальная составляющая.

Показательно мнение, выраженное в книге Г. Сапаргалиева «Карательная политика царизма в Казахстане», изданной в том же 1966 году в Алма-Ате. «В осуществлении своей карательной политики, опираясь на верхушку переселенческого населения, вооружая его и противопоставляя угнетенным народам, царизм развращал националисти-

³Восстание 1916 года в Средней Азии и Казахстане. (Сборник документов). М. 1960. С. 7.

⁴Турсунов Х. Восстание 1916 года в Средней Азии и Казахстане. М. 1966. С. 52.

ческим духом отсталую часть русского населения. В условиях искусственно создаваемого межнационального трения царизм пытался укрепить колониальные порядки с помощью значительной массы русских трудящихся, что в определенной степени ему удавалось осуществить»⁵. Такое мнение выглядело весьма жестким, но для СССР в этот период времени допустимым. Как раз потому, что Советский Союз противопоставлял себя Российской империи и ее политике.

Позднее, в 1977 году в советском Казахстане появилась другая работа «Восстание 1916 года в Казахстане», написанная Б. Сулейменовым и В. Басиным. В ней указывалось, что среди причин восстания были «усиление колониального гнета, изъятие земель, увеличение налогов и поборов, рост эксплуатации трудящихся феодально-байской верхушкой, царская политика беспощадной русификации, разжигание национальной розни, всяческое культивирование среди русского населения великодержавного шовинизма»⁶. И опять мы видим вполне себе имперскую позицию, которая исходит из наднационального характера советского государства. Отсюда следует достаточно критичное отношение к политике Российской империи, в том числе и в национальном вопросе.

Но в то же время данные авторы стремятся несколько выправить баланс в межнациональных отношениях. «У казахов были изъяты огромные площади высококачественной, плодородной земли. Эти и им подобные насильственные акты колониальной администрации вызывали у населения казахских степей справедливое возмущение. Но это не было возмущение против русских вообще»⁷. Следующий тезис дополнял вышесказанное. «Что же касается нападения на русские села, то, как правило, их совершала манапско-клерикальная верхушка с участием религиоз-

но-фанатического, зависимого от них населения»⁸.

Общая логика здесь связана с тем, что, с одной стороны, зажиточные слои как из русского, так и из местного населения, оказывали на него негативное влияние. На фоне же политики имперской администрации это создавало напряжение, которое вело к конфликту между ними. Отсюда можно было сделать вывод, что после образования СССР его политика привела к устранению из уравнения, с одной стороны, колониальной администрации, а с другой – зажиточных слоев населения. Таким образом, исчезла почва для конфликтов, в том числе на межнациональной основе. Кроме того, так как причиной конфликтов было изъятие земли, то в связи с тем, что вся земля и вообще вся собственность в СССР принадлежали государству, то, соответственно, не стало и предмета для выяснения отношений.

В целом демонстрацией советского компромиссного варианта относительно восстания 1916 года может служить следующий текст из монографии Турсунова. «Национально-освободительное восстание 1916 года не было направлено на отделение Туркестана и Казахстана от России. Оно было национально-освободительным потому, что было направлено против национально-колониального гнета царизма. Это была стихийная борьба колониальных народов одной из восточных окраин России за свою свободу, за элементарные политические и человеческие права, часть общей борьбы народов России против войны и царского самодержавия»⁹. Однако очевидно, что после распада СССР такая позиция уже не могла быть основной для компромисса.

Главным образом потому, что для новой России в отличие от СССР не могло быть и не имело смысла противопоставление с Рос-

⁵Сапаргалиев Г. С. Карательная политика царизма в Казахстане (1905–1917). Алма-Ата. Казахстан. 1966. С. 70.

⁶Сулейменов Б. С. Басин В. Я. Восстание 1916 года в Казахстане. Алма-Ата. 1977. С. 65.

⁷Там же. С. 18.

⁸Там же. С. 91.

⁹Турсунов Х. Восстание 1916 года в Средней Азии и Казахстане. М. 1966. С. 398.

сийской империей. Скорее, наоборот, данная империя наряду с СССР становилась еще одной исторической опорой государственного строительства. В результате советские оценки вроде тех, что были приведены выше в отношении событий 1916 года, уже не соответствовали новым идеологическим задачам. Собственно, советские подходы не могли быть популярными и в новых независимых государствах.

Например, в 1993 году в изданном в Алма-Ате сборнике «Казахстан в начале XX века» по поводу восстания 1916 года было сказано, что «политика геноцида, начатая царским правительством по подавлению восстания, привела к гибели сотен тысяч людей и вызвала первую волну массовой эмиграции»¹⁰. Естественно, что появление таких текстов создавало новую ситуацию для той же России. При том, что использование термина геноцид должно было подчеркнуть крайне отрицательное отношение авторов данного сборника к политике Российской империи при подавлении восстания 1916 года. Геноцид вообще очень спорный термин и к нему надо относиться с предельной аккуратностью, потому что он придает любым оценкам слишком радикальный политический оттенок. Скорее появление такого термина в казахстанской работе в этот период времени отражало эмоциональную реакцию на возникновение новой идеологической ситуации.

Хотя и в самой России имели место довольно жесткие оценки по поводу восстания 1916 года. К примеру, российский автор Дякин писал в изданной в 1998 году книге «Национальный вопрос во внутренней политике царизма»: «Пренебрежение национальными и вероисповедными интересами местного населения, дикое самоуправство админи-

стративной власти и массовая конфискация земель в интересах колонизации превратили Казахстан и Среднюю Азию во взрывоопасный для царизма регион, подготовив почву для восстания 1916 года»¹¹. Автор придерживается критической оценки политики российских властей, употребляя непопулярный в современной России термин «колонизация». В данном случае имеет значение, что автор в принципе отрицательно относился к территориальному расширению Российской империи. Он полагал, что негативно сказывалось на развитии собственно русских земель, потому что все ресурсы тратились на колонизацию.

Конечно, подобная оценка была не совсем типичной. Более показательной была версия Татьяны Котюковой, которая в вопросе оценки событий 1916 года была ориентирована на сохранение компромисса в советском стиле. «Советская историческая наука при всех ее проблемах и несовершенствах была ориентирована на поиск и доказательство фактов, свидетельствовавших о вековых корнях и братских или просто неконфликтных отношениях между народами СССР. Сегодня ситуация выглядит с точностью наоборот – все силы брошены на поиски «виноватых», забывая о том, что изучение любого события, унесшего тысячи человеческих жизней, требует взвешенности и корректности в оценках, а не конструирования столетие спустя новых исторических мифов. В таких условиях история выступает не фундаментом для построения будущего, а инструментом для создания «образа врага» в информационной войне. Изучение самого восстания все сильнее отклоняется от дискурса научного в сторону дискурса политического»¹².

Однако такой подход выглядит довольно идеалистичным. И это не только потому, что

¹⁰Кенжебаев Н. Т. Бисенбаев А. К. Асанова С. А. Казахский народ в начале XX в.: трагический опыт модернизации// Казахстан в начале XX в.: методология, историография, источниковедение. Ред. М. Козыбаев. Алматы. 1993. С. 17.

¹¹Дякин В. С. Национальный вопрос во внутренней политике царизма (XIX – нач. XX). СПб. 1998. С. 59.

¹²Котюкова Т. В. Восстание 1916 г.: штрихи к историческому портрету// Восстание 1916 года в Туркестане: документальные свидетельства общей трагедии. Сб. док и мат. Сост., авт. предисловия, вступ. статьи и комм. Т. В. Котюкова. М. 1916. С. 105.

и в России, и в Кыргызстане, и в Казахстане происходит государственное строительство с формированием собственной исторической идеологии. Сегодня они уже не входят в одно государство и советский компромиссный вариант относительно восстания 1916 года больше не соответствует текущему моменту. Проблема здесь в другом. Новым независимым государствам в любом случае нужно проанализировать обстоятельства своего прошлого в составе Российской империи и сформулировать свою позицию по этому поводу. Безусловно, что было бы лучше, чтобы это был объективный научный анализ, без лишних эмоций.

Но вопрос в том, что любой анализ с их стороны в той или иной мере подразумевает оценку политики Российской империи. В то время как в современной России, выше по тексту на это обращалось внимание, имперское прошлое является частью идеологии, одной из основ современного государственного строительства. Поэтому призыв Котюковой фактически подразумевает нежелательность появления каких-либо других оценок со стороны новых независимых государств относительно политики России в ее исторической ретроспективе. Причем ее указание на «конструирование новых исторических мифов» исходит в том числе из часто появляющихся в странах нашего региона радикальных оценок. Например, вроде той, которая появилась в указанном выше сборнике от 1993 года.

Вообще акцент на исторических мифах, которых на самом деле очень много, типичен для российской научной оценки процессов в интеллектуальном пространстве новых независимых государств. Однако подтекст здесь почти всегда связан со стремлением подчеркнуть, что не стоит проводить такого анализа, который в принципе в состоянии привести к пересмотру уже разработанных концепций. Причем речь, безусловно, в первую очередь идет о советском периоде, это хорошо заметно по цитате Котюковой. С этой точки зрения идеи, разработанные в СССР, в целом исчерпывают всю историческую по-

вестку дня. В то же время сегодня они охватывают, в том числе уже и период существования Российской империи, поскольку сегодня это тоже часть современной идеологии России.

В целом обращение к советским версиям истории для многих историков в России и на постсоветском пространстве служит своего рода защитной реакцией от любых изменений в исторической науке, от которых они не ждут ничего хорошего. С одной стороны, это связано с более высокими стандартами качества работы с научными текстами в советское время. С другой – советская версия все-таки была ориентирована на относительный идеологический компромисс, что является более комфортным выбором. Это хорошо заметно по тезисам Котюковой.

Но в то же время апеллирование к советской истории позволяет заслонить собой еще и историю Российской империи. Таким образом последняя добавляется к общей схеме, которую не стоит лишним раз обсуждать. Империя наряду с СССР оказывается под чем-то вроде единого историко-идеологического зонтика. Несмотря на отдельные эксцессы, вроде жесткого подавления восстания 1916 года, такой зонтик в целом должен объединять в одном формате истории Россию и ее бывшие зависимые территории, что, в свою очередь, обусловлено их общей судьбой. То есть единое в виде общей истории в данном случае противопоставляется частному в форме исторической идеологии отдельных государств и их научной деятельности. Тем не менее в отдельных государствах, которые все равно отошли от единого формата, уже либо существует, либо будет развиваться собственная точка зрения на историю, в том числе недавнюю. Понятно, что она может и наверняка должна иметь собственную позицию.

Вообще очень важно иметь свою позицию по важным историческим моментам, которая должна учитывать и другие мнения. Например, существует западная оценка событий 1916 года. Марко Бутино писал, что «по сути, организовывалась полномасштабная война

всего русского населения против мусульманского и этническая очистка основного региона от кочевников. Наступательная акция, с одной стороны, была призвана отвечать решениям высшего русского командования, а с другой – оставляла колонистам возможность свободных маневров»¹³. В данном случае западный автор, который не связан идеологическими вопросами, доминирующими на постсоветском пространстве, указывает на самый сложный момент в истории событий 1916 года. Причем имеет значение даже не то, что фактически Бутино говорит о межнациональном конфликте. Скорее, из его текста следует, что русские переселенцы оказывались главными бенефициарами от разгрома восстания. То есть они освобождались от конкурентов на земельные ресурсы.

В то время как у Татьяны Котюковой выражена другая точка зрения относительно переселенцев из России. По ее словам, «подход к внедрению в крае так называемого «русского элемента» со стороны правительства был, во-первых, односторонним, во-вторых, очень кратким по времени. Он не мог оказаться прочным в политическом плане – привести к желаемой интеграции региона в общеимперскую систему, и в экономическом плане не принес значительных дивидендов. Проводясь организованно всего десятилетие, переселение явилось мощнейшим раздражителем. Переселенцы оказались своеобразными заложниками, на которых сфокусировалась большая часть недовольства коренного населения в 1916 году и безопасность которых не смогло обеспечить государство, ратовавшее за перемещение этих людей с исконных мест проживания в далекий Туркестан. Переселение было драматической страницей истории не только для коренных жителей края, но и в не меньшей степени для русских и украинских крестьян»¹⁴. Здесь мы опять же

видим стремление предложить компромиссный вариант. Хотя с этим мнением вряд ли можно согласиться. Все-таки переселенцы были заинтересованной стороной при осуществлении политики Российской империи на зависимых от нее территориях.

Скорее можно полагать, что позиция Котюковой является отражением современной ситуации. Сегодня очевидно, что в конечном итоге вся история переселения в данном случае в Туркестан закончилась неудачей. Однако вплоть до 1917 года ситуация с переселением вовсе не выглядела таковой. Напротив, хорошо была заметна тенденция к расширению переселенческого движения и постепенному его укреплению на новых территориях.

Но что характерно в указанном выше тексте Котюковой, так это то, что она определила государство внешним виновником причин неудачи истории с переселенцами, которое не смогло организовать процесс без конфликтов. В результате переселенцы также пострадали от переселения, как и местное население. Это очень интересная позиция, она основана на поиске компромисса в настоящий момент. Возможно, это связано с тем, что Котюкова является уроженцем Средней Азии, выходцем из Узбекистана. Поэтому понятно ее сожаление о судьбе русских переселенцев в бывшей российской Азии.

Однако такой все же больше гражданский подход Татьяны Котюковой не может соответствовать государственной идеологии современной России. Потому что из него следует критическое отношение к государственной политике Российской империи в Средней Азии и сожаление о сложной ситуации, в которой оказались русские переселенцы. В то время для государственной идеологии всегда первична политика государства. Соответственно, в интересах

¹³Бутино М. Революция наоборот. Средняя Азия между падением царской империи и образованием СССР. М. 2007. С. 71.

¹⁴Восстание 1916 года в Туркестане: документальные свидетельства общей трагедии. Сб. документов и материалов. МГУ им. М. В. Ломоносова. Институт всеобщей истории РАН. Сост., авт. предисл. вст. ст. и коммент. Т. В. Котюкова. М. Марджани. 2016. С. 60.

такого государства лучше вообще избегать обсуждения слишком сложных ситуаций. А восстание 1916 года, несомненно, относится к числу таковых. Отсюда и заявление российского МИДа в 2008 году. Поэтому вопрос о 1916 годе не находится в центре исторической дискуссии в государствах Центральной Азии, которые являются соседями такой значительной централизованной бюрократической государственности. В частности, в 2016 году столетие восстания в целом прошло здесь практически незаметно.

Так что вопрос о той роли, которую идеология играет в истории на постсоветском пространстве имеет большое значение, возможно, даже чрезмерно большое. Это имеет отношение к самым разным эпизодам истории России, в том числе в контексте ее отношений с бывшими зависимыми территориями в Азии. Но восстание 1916 года занимает этом списке особое место.

Данное событие, сто лет назад потрясшее Среднюю Азию и Казахстан, сегодня не выглядит очень удобным для активного рассмотрения. Оно несет в себе слишком большой конфликтный потенциал в области исторической идеологии, который довольно легко может перейти в политическую плоскость. Именно поэтому многие в России, и на официальном, и на научном уровнях, призывают не пересматривать уже сделанных оценок, что фактически означает не рассматривать их вовсе.

Между прочим в этой ситуации очень показательным выглядит один момент из истории событий 1916 года, связанный с вопросом о возможном иностранном участии в организации волнений. Например, на конференции в Алматы летом 2016 года, во время презентации сборника о восстании 1916 года, в том числе говорили о роли иностранных разведок в его организации. В

казахстанских СМИ тогда писали: «доцент Института истории Санкт-Петербургского государственного университета Дмитрий Овсянников раскрыл факты иностранного влияния на восставших – из тщательно собранных источников становится ясным, что в деле были замешены агенты разведок Османской империи и Германии»¹⁵. В определенном смысле именно на иностранном влиянии и делался основной акцент в СМИ по итогам данного мероприятия.

Здесь стоит заметить, что в 1916 году российские чиновники в своих рапортах с мест событий много писали об иностранном вмешательстве. Так, 7 августа 1916 года Куропаткин направил телеграмму военному министру Шуваеву, что согласно донесениям из Лепсинска китайцы снабжают джаркентских и лепсинских киргизов оружием¹⁶. 18 августа 1916 года он же снова писал Шуваеву «во время великой войны киргизское население подготавливалось к восстанию германскими офицерами, проникшими в Афганистан и Кашгар»¹⁷. 19 сентября 1916 года начальник штаба Туркестанского военного округа генерал Сиверс писал в телеграмме; «по словам захваченных бунтовщиков, мятежом якобы руководили турецкий генерал и 2 европейца»¹⁸. Еще в одном документе было написано, что найдены указания на причастность к беспорядкам в Семиречье китайских анархистов партии «Гелаяо», имевших связь с немецкими агентами»¹⁹.

Здесь очевидно, что в 1916 году российские чиновники ссылками на деятельность вражеской агентуры фактически оправдывали сам факт восстания. В любых странах и в любые времена среди бюрократии широко распространена практика по возможности постараться снять с себя ответственность. Российские чиновники из 1916 года не были исключением из правил. Проще всего было

¹⁵<http://www.contur.kz/node/2995>

¹⁶Восстание 1916 года в Средней Азии и Казахстане (Сборник документов). М. 1960. С. 333.

¹⁷Там же. С. 346.

¹⁸Там же. С. 67.

¹⁹Там же. С. 374.

объяснить волнения происками внешних врагов, чем признавать существование проблемы.

Но в определенных случаях поиск иностранных агентов мог приобретать характер паранойи. Так, 8 декабря 1916 года советник министра внутренних дел В. Кондоиди писал министру внутренних дел Протопопову. «В степном генерал-губернаторстве не обошлось без слухов об участии в киргизских волнениях немецких подстрекательств. Убежденным сторонником такого мнения является бывший акмолинский губернатор Масальский-Кошуро. Не имея вполне подтвержденных фактов, тем не менее 26 августа названным лицом арестованы им уличенные немцы Кобер и Шпильман, а также мукомолы немец Юстус и еврей Ривкин, доставлявшие муку киргизам и державшие у себя без разрешения и документов германского подданного Река, разъезжавшего по уезду. Атаман Сибирского уральского казачьего войска и начальник его штаба склонны также усмотреть в киргизском движении участие немецкого и турецкого (на почве ислама) элемента, однако произведенное по сему поводу расследование помощником начальника Омского жандармского управления ротмистром Демушкиным категорически опровергло все возводимые на указанных лиц обвинения»²⁰.

Характерно, что когда депутат Александр Керенский выступал в декабре 1916 года в Государственной Думе, он высказался и по этому поводу. «Представитель министерства внутренних дел в Думе имел смелость рассказать о том, что по слухам во главе киргизских войск стоит «турецкий генерал». Но, господа, уже это известие настолько анекдотично, что опровергать его совершенно не стоит»²¹. В советское время в работе Х. Турсунова, посвященной восстанию 1916 года был

сделан вполне адекватный ситуации вывод. «Восстание 1916 года было подготовлено не иностранными державами: его основные причины коренились не во внешнем влиянии, а во внутренних социально-экономических и политических условиях»²².

Если российские чиновники в самый разгар событий явно пытались переложить с себя ответственность за произошедшее, отсюда немецкие шпионы, китайские анархисты и турецкие генералы, то с точки зрения современной исторической идеологии такая аргументация дает возможность попытаться уйти от дискуссии о причинах произошедшего. Потому что если согласиться, что восстание было организовано внешними силами, тем более если это произошло в условиях войны, тогда, собственно, вовсе нет предмета для обсуждения. Соответственно, нет необходимости обсуждать причины, которые привели к восстанию, а значит, и предшествующую ему политику Российской империи на ее азиатских окраинах. Кроме того, утверждение о внешних силах, которые якобы организовали восстание в тылу российской армии во время войны, автоматически выводит такое восстание в статус государственного преступления. Это дает основание для рассуждений о том самом «ударе в спину» и одновременно позволяет оправдать все действия правительства и проправительственных формирований против восставших.

Хотя в 1916 году поиски внешних врагов и объективный анализ вполне могли сосуществовать друг с другом. В том же документе, где говорилось о китайских анархистах, был дан очень интересный анализ причин произошедшего. «Главнейшими причинами недовольства киргизов приведшими к открытому возмущению надо считать 1) изъятие за последние 10 лет в государственный

²⁰Там же. С. 500–501.

²¹Восстание 1916 года в Туркестане: документальные свидетельства общей трагедии. Сб. документов и материалов. МГУ им. М. В. Ломоносова. Институт всеобщей истории РАН. Сост., авт. предисл. вст. ст. и коммент. Т. В. Котюкова. М. 2016. С. 380.

²²Турсунов Х. Восстание 1916 года в Средней Азии и Казахстане. М. 1966. С. 330.

фонд более 200 тыс. десятин земли и, как следствие отсюда – земельное стеснение киргизов и сокращение перекочевков, особенно с изъятием в казну огромных лесных площадей, куда киргизы стали допускать только на особые площади по билетам. Форсированное водворение и устройство до 40 тыс. самовольцев-крестьян, поселившихся на лучших землях Пишпека и Пржевальска в первые годы деятельности Семиреченской партии, что повлекло значительный экономический ущерб для многих хозяйств киргизов и вызвало неприязненное отношение к крестьянам»²³. Это лишний раз подтверждает, что в местной администрации вполне отдавали себе отчет в сути проблемы.

Но в то же время это не отменяло главной для них задачи – уйти от ответственности по линии бюрократии. Поэтому во вполне адекватном по своему содержанию документе появляется пункт о причастности китайских анархистов. Данный документ отражает упомянутые выше противоречия между местными чиновниками и представителями Переселенческого управления. Поэтому автор документа возлагает основную ответственность на деятельность так называемой «Семиреченской партии», подчинявшейся Переселенческому управлению в Петербурге. Тем более что это был закрытый документ, который не был предназначен для широкой аудитории. В то время как в наши дни тезис об иностранном влиянии уже рассматривается как один из основных в объяснении причин восстания 1916 года безотносительно оценок политики российской администрации.

Собственно, с идеологической точки зрения суть вопроса относительно событий 1916 года заключается в том, как именно следует перевернуть эту страницу в истории, где и какие расставить акценты. И здесь все еще далеко не так однозначно.

Потому что сами события были следствием политики Российской империи на азиатских окраинах и не могут рассматриваться вне этого контекста. Однако в современной России существует вполне определенное мнение по данному поводу, очень близкое к официальному. В этой связи характерно мнение, высказанное в современном интернет-проекте «События в Семиречье 1916 года по документам российских архивов» председателем Государственной думы Российской Федерации Сергеем Нарышкиным. «Между Россией и регионами Центральной Азии существовали давние связи, которые в середине позапрошлого века обрели единый цивилизационный фундамент после вхождения Туркестана в состав нашей страны. Путь интеграции был непрост, но очевидно её огромное влияние на исторические судьбы народов Казахстана, Киргизии, Таджикистана, Туркменистана, Узбекистана и, разумеется, самой России. Туркестанское восстание 1916 года, как и Революция 1917 года, неразрывно связаны с общеевропейской трагедией Первой мировой войны. Естественно, что регион был активно вовлечён в эти сложные исторические процессы»²⁴. При всей нейтральности текста, здесь можно выделить два ключевых тезиса. Первый о том, что Нарышкин определяет присоединение региона к Российской империи, как «вхождение в состав нашей страны». То есть фактически проводит ассоциацию между современной Россией и империей до 1917 года. И второй тезис про «единый цивилизационный фундамент», что выглядит прямым указанием на цивилизаторскую миссию прежней имперской политики.

Но такая прямая ассоциация с прежней империей ставит очень большие сложности для отношений на уровне государственных идеологий. Напротив, было бы логичнее разделить современную государственную идеологию и имперскую политику прошлого.

²³Восстание 1916 года в Средней Азии и Казахстане (Сборник документов). М. 1960. С. 374.

²⁴<http://semirechye.rusarchives.ru>

Потому что в противном случае российской идеологии все время придется защищать прежнюю политику Российской империи на ее зависимых территориях, призывая все заинтересованные стороны не обсуждать ее и не давать ей оценок. Или, по крайней мере, не выходить за пределы уже сделанных или согласованных оценок.

Однако рассмотрение истории все же предполагает оценку ситуации, в том числе опирающуюся на весь тот массив документов, которые введены в научный оборот. Для истории любого народа или государства, для их идентичности, необходима собственная точка зрения на те события, которые имеют к ним прямое и непосредственное отношение, как это было с историей взаимоотношения казахов и России.

ИНСТИТУТ АЗИАТСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ
THE INSTITUTE OF ASIAN STUDIES

Республика Казахстан, Алматы, ул. Валиханова, 137а. кв. 36.
Тел. (727) 291-08-55.
E-mail: officeasiakz.com, www.institute.asiakz.com